

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ: ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Е.А. Ерохина

Институт философии и права

Сибирского отделения РАН, Новосибирск

leroh@mail.ru

Статья посвящена эвристическим возможностям геополитического метода в исследовании этнического многообразия России. Геополитическое проектирование представлено в работе как деятельность, имеющая целью преобразование пространства из реального состояния в желаемое для субъекта и акторов геополитического процесса. Вводится различие между геополитической проекцией и геополитическим проектом: если проекция представляет собой исключительно ментальный феномен, то геополитический проект – это почти всегда программа действий, предполагающая их реальное осуществление. Субъектом геополитического проектирования способны выступать не только власть, но и сообщества, от имени которых она осуществляет свои полномочия; отдельные личности, в том числе мыслители, ученые, философы. Результаты геополитического проектирования репрезентируют не только определенный географический объект, но и, в косвенной мере, определенную дискурсивную формацию, систему философских взглядов, через призму которых оценивалось место геополитического объекта, в данном случае России, в мире. В структуре философских концепций выделяются четыре образных проекции России – России как Европы, России как славянской православной страны, России как самобытной страны и России как Евразии, в которых этническое многообразие выступает своего рода «мерцающей» константой.

Ключевые слова: этническое многообразие, геополитика, Россия, пространство, образы.

ETHNIC DIVERSITY OF RUSSIA: IMAGE AND REALITY IN THE GEOPOLITICAL PROJECTION

E.A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law

of the Siberian Branch of the Russian

Academy of Sciences, Novosibirsk

leroh@mail.ru

This article is devoted to heuristic capabilities of the geopolitical method in research of ethnic diversity of Russia. Geopolitical designing is presented as activity which purpose is transformation of geographical space from real state to one desired for the subject and actors of geopolitical process. Here is introduced the distinction between geopolitical projection and geopolitical project: if the projection is an exceptionally mental phenomenon, then the geopolitical project almost always is a program of actions which assumes real implementation of these actions. The role of subject of political designing can be carried out by authorities as well as by communities on behalf of which it exercises its duties as well as by individual personalities including scientists and philosophers. Results of geopolitical designing represent not only geographical object but also, implicitly, a certain discursive formation, a system of philosophical views

through the prism of which the place of geopolitical object, Russia in our case, in the world evaluated. In the structure of philosophical concepts there are four figurative projections of Russia – of Russia as Europe, of Russia as Slavic orthodox country, of Russia as original country, and of Russia as Eurasia where ethnic diversity is a kind of “shimmering” constant.

Key words: ethnic diversity, geopolitics, Russia, space, images.

Актуальность исследования образов России и ее пространств обусловлена необходимостью выработки государственной и региональных моделей в практике управления этническим многообразием. Философское и научно-теоретическое осмысление образов России не раз становилось предметом исследования [2, 3, 4, 7, 10]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать эвристические возможности геополитического подхода как метода измерения социальных отношений, складывающихся между субъектами (государствами и конкретными обществами) и акторами (индивидами и сообществами) и обусловленных связью индивидов, сообществ и государств с обитаемым пространством. Образы пространства функционируют в общественном сознании на двух уровнях: уровне стереотипных образов обыденного сознания и уровне философских и научных концепций. Это дает основания определить геополитику как феномен общественного сознания и как научно-рациональный феномен.

Своим происхождением геополитика обязана союзу научной рациональности, власти и сообществ, мобилизованных идеями преодоления неравенства. Если пространственные (географические) образы формируются вместе со становлением культуры как часть идентификационной матрицы соответствующих ей коллективных сообществ, то геополитические образы, или проекции, как специфический ментальный феномен выделяются в структуре пространственных представлений лишь

после великих географических открытий и утверждения гелиоцентрической картины мира. Этот пространственный переворот в сознании человечества открыл возможность помыслить земной шар как единое целое. Глобус как мысленная проекция Земли послужил инструментальной моделью для образных манипуляций с мировым пространством и его отдельными сегментами. Пространственное мышление в эпоху модерна выходит на новый уровень – уровень пространственного проектирования, который мы сегодня и называем геополитическим.

Содержанием проектной деятельности является манипуляция с образом определенного пространства, которое является геополитическим объектом (ГО). Цель проектной деятельности заключается в содействии развитию геополитического объекта (региона планеты, страны) с целью преобразования из реального состояния в желаемое для субъекта или актора. В данной статье таким объектом является Россия как страна в совокупности территории, населения и политических институтов государства. Одним из значимых атрибутов указанного объекта является этническое разнообразие как социокультурный феномен. Этнические общности в своем развитии нуждаются во взаимодействии с аналогичными коллективами, что обуславливает межэтнический синтез, на основе которого формируются более крупные по своим масштабам социокультурные образования, цивилизации. В процессе осмысления этнического разнообразия субъекты (государ-

ства) и акторы геополитических процессов, в том числе элитные группы, коллективные общности и индивиды, авторы научных и философских концепций, нарабатывают свои способы проектной деятельности. Власть вырабатывает модели управления, этнические общности – модели межэтнической интеграции и универсальные для данной цивилизации ценностные и целевые приоритеты совместной жизни, учебные и философы – идеи, которые становятся содержанием их концепций.

Базовым в исследовании геополитических проекций является понятие ментального картографирования. В отличие от изучения этого процесса в социальной психологии, историки, культурологи и социологи направляют свой взгляд не на формы репрезентации пространства в индивидуальном сознании, а на изучение представлений всего общества о данном пространстве. Если социальная психология изучает ориентации людей в пространственных микроструктурах повседневности, то история и социология имеют дело с воображаемым разделением территорий, с которыми лишь малая часть членов данного сообщества знакома по личным наблюдениям [9].

Как полагает Ф.Б. Шенк, изучение ментального картографирования возникло в связи с развитием истории картографирования, с одной стороны, и семиологии, с другой стороны. Первой стороной света, которая потеряла «ореол объективности», стал Восток. Как показал Э.В. Санд, ориентализм как стиль мышления, оправдывающий доминирование Востоком, выстраивал его образ как образ «другого», во всем противоположный Западу. Если Западу приписывались атрибуты активности, субъектности, власти, то категория Восток фиксировалась через «отсутствие» – изме-

нений, прогресса, свободы, разума, всех тех свойств, которые традиционно определяют и характеризуют Запад [8, с. 170].

Книга Сауда «Ориентализм», продолжившая дебаты о колониализме и постколониализме, породила интерес к другим территориям и способам их репрезентации в общественном сознании: Балканам (М. Тодорова), Восточной Европе (Л. Вольф), России (Х. Лемберг) [8]. В статье, посвященной проблеме конструирования ментальных карт в Европе, Ф.Б. Шенк обращается, в частности, к исследованиям Л. Вольфа и Х. Лемберга, посвященным образному перемещению России с Севера на Восток Европы [11, 12]. Античная и средневековая картины мира исходили из разделения на «цивилизованный Юг» и «варварский Север». Идея «дикого Севера» в европейской культуре изживает себя на протяжении XIX в. и даже, возможно, ранее. В представлении о мире к Северной Европе причислялись страны, расположенные севернее Черного моря и Дуная и восточнее Эльбы. Эти территории принято было обозначать как «полуночные страны», или просто северные страны. Даже поединок Наполеона с Россией воспринимался как конфликт Севера и Юга. Однако со временем название территории «Север» стало синонимом географического понятия Скандинавия [8, с. 7, 8].

Под влиянием ориентализма ось дифференциации трансформируется. Не только мир, но и Европа разделяется на символические Запад и Восток. Шенк солидаризируется с мнением Вольфа и Лемберга в том, что эта трансформация была не просто сменой терминологии, но отражением перемены политико-идеологического мировоззрения [8, с. 7]. На ментальной карте Европы Россия оказалась помещена в раз-

ряд стран Восточной Европы. Дикость, которая прежде связывалась с Севером, теперь стала относиться к Востоку. По этой причине Россию именовали «полуазиатской» страной, что вошло в лексикон Третьего рейха и идеологию Запада времен «холодной войны». Как русское отражение того, что Россия оказалась помещена Западом на Восток, Шенк предлагает рассматривать дискуссии западников и славянофилов, а также становление евразийской школы в эмиграции [8, с. 8].

По мнению Шенка, «перемещение» России на образный Восток начинается довольно рано, в XVIII в. Начало этого процесса запускается дискуссией в географии вокруг проблемы границы между двумя континентами Евразии: Европой и Азией. В этой связи интерес представляет исследование другого ученого, географа М. Бассина, посвященное тому, как эта граница, проложенная поперек России, осмысливается общественным сознанием россиян (в русской географической литературе) в XVIII в.

В интерпретации Бассина географическая дихотомизация России предстает как часть вестернизации, предпринятой Петром Первым. До этого момента Россия выводила свои культурные истоки из Византии и испытывала безразличие по отношению к Западу [1]. По мнению Бассина, как только страна из Московского царства превратилась в Российскую империю, у правящего класса России возникла мысль, что ее, как и другие империи, можно разделить на европейскую метрополию и азиатскую колонию. Впервые разделение было проведено В.Н. Татищевым, который добился того, чтобы оно было принято в географии и в разделении государства на Европейскую Россию и Азиатскую Россию, что

сохраняет свою силу и по настоящее время [1, с. 283, 284, 300]. «Как Испания или Англия, Нидерланды или Португалия, по самому большому счету Россия также могла быть разделена на два важнейших компонента: с одной стороны – коренные земли или метрополия, которая принадлежит европейской цивилизации, и с другой – обширная, но чужая, внеевропейская колониальная периферия» [1, с. 283].

Европейско-азиатский дихотомизм в образных автостереотипах был порожден, по Бассину, трансформацией политической идентичности России. «Вслед за победой над Швецией в 1721 году было формально отвергнуто архаичное наименование Московии как *царства* или *царствия*. Взамен этого Россия с огромной помпой и соответствующими церемониями была провозглашена колониальной *империей* в соответствии с европейской моделью во главе с правителем, который теперь был *императором*, а не царем... В свете этой цели тот факт, что российское государство частично покрывало два континента, приобретал беспрецедентное значение. Он подчеркивал основную дихотомию российского физического тела, которая, по крайней мере внешним образом, казалось, воспроизводила такую же дихотомию западных империй и могла представляться дополнительным доказательством естественного родства с ними» [1, с. 282, 283].

В целом, соглашаясь с такой характеристикой петровского периода российской истории, важно подчеркнуть, что этот дихотомизм, введивший Россию в элитный клуб европейских колониальных держав, впоследствии доставлял российской власти известную головную боль. В XIX в. имперскость постепенно начинает утрачивать ореол привлекательности под напором на-

циональных движений. Российские интеллектуалы и власть надеялись на то, что им удастся избежать оценок собственных действий как эксплуататорских и несправедливых. Существовало ожидание, что отказ от «колониальности» снизит потенциал сепаратизма [6, с. 203]. Как отмечает российский историк А. Ремнев, российская геополитика черпала свою аргументацию из разных источников, в том числе предевразийских идей, призванных обосновать особую миссию России в Азии, кардинально отличную от западного колониализма. В числе этих идей он выделяет и областнический проект, и идею особого русского пути, развиваемую в среде российских интеллектуалов и политиков [6, с. 192].

Вместе с тем трудно согласиться с выводом Ремнева о решающей роли имперского запроса в «научном завоевании» Азии. Скорее можно согласиться со следующим его утверждением: «Это был сложный дискурс ученых (обосновывавших идеальные геополитические конструкции и пугавших мир возможными глобальными цивилизационными конфликтами) и политических и административных прагматиков, которые хотя и скептически относились к интеллектуальным писаниям, но не могли не использовать их в управленческой практике» [6, с. 192–195].

Ментальные проекции географических объектов исследовались не только западными, но и отечественными учеными. Коллективные представления о России и ее регионах, границах, статусе, месте в геополитических стратегиях государства и его элитных групп, конкретных чиновников и ученых привлекли в постсоветский период внимание географов и регионоведов (Б.Б. Родоман, В.Л. Каганский), историков (А.В. Ремнев, Н.Н. Родигина) и культуроло-

гов (Д.Н. Замятин). Ярко и выпукло образы стран и народов представлены в эссеистике Г.Д. Гачева. В настоящее время наиболее последовательно исследование пространственного проектирования развивается в рамках двух российских школ гуманитарной географии: Ю.Н. Гладкого и Д.Н. Замятина.

Квинтэссенцией этих исследований можно считать признание инертности существующих образно-географических комплексов, «удерживающих» страну западнее Урала. Это обуславливает «периферийность» российского геополитического мышления, его зависимость от европейских образов. Существующие образы страны и ее регионов тем или иным образом «спекулируют» либо на очевидных физико-географических особенностях России, либо на их поверхностной идеологической упаковке. В этом случае речь чаще всего идет о дилемме Восток–Запад, Азия–Европа, славянофильство / евразийство – западничество / евроатлантизм [5, с. 207, 208].

Это обстоятельство не случайно. Характер геополитических проекций определяется влиянием доминирующей в определенный момент времени идеологической матрицы, сформированной, в свою очередь, определенной философской традицией. Философия опосредованно, через идеологию, влияет на программу действий, артикулируемую властью или группой элит. Программа действий, в свою очередь, предшествует осуществлению геополитического акта. Осуществленный акт предполагает порождение новых образных проекций.

Следует различать проекцию и проект. Если проекция представляет собой исключительно ментальный феномен, то геополитический проект – это почти всегда про-

грамма действий, предполагающая их реальное осуществление. Таков, например, «греческий проект» Екатерины Великой, направленный на сокрушение Османской империи, воцарение в Константинополе ее внука, Константина Павловича, и создание буферного государства Дакии на территории Молдавии, Бессарабии и Валахии. Этот проект не был реализован.

Примером другого, успешного, проекта можно считать Священный союз европейских монархов, учрежденный на Венском конгрессе (1815). Священный союз, инициатором которого выступил Александр I, имел целью установить новый международный порядок после падения наполеоновской империи. После Венского конгресса к Священному союзу присоединились почти все главы европейских государств.

Не только власть, но и сообщества, от имени которых нередко осуществляет она свои полномочия, могут быть авторами геополитических проектов. В качестве примера можно привести Русскую Америку, проект русской колонизации земель на американском континенте, который осуществлялся силами русских купцов и промышленников на Аляске, Алеутских островах, тихоокеанском побережье Калифорнии.

Творцами геополитических проектов могут быть и отдельные личности, в том числе мыслители, ученые, философы. Нередко они высказывают идеи, несуществимые при их жизни. Тем не менее своей активной жизненной позицией эти люди способны «заразить» современников, сформулировать запрос власти и оставить тексты, ценность которых осознается по мере того, как общество становится граждански более зрелым и ответственным. Таков пример сибирского областнического проекта.

Сами по себе проекты чрезвычайно интересны для исследователя в качестве своего рода «кейсов», которые оказываются «зеркалом» своего времени, позволяют в предельно сжатом виде увидеть спектр проблем, связанных с ролью разных субъектов в их воплощении. Что касается проекций, они не столь конкретны с точки зрения прагматики. Каждая из проекций репрезентирует не только определенный географический объект, но и, в косвенной мере, определенную дискурсивную формацию, систему философских взглядов, через призму которых оценивалось место геополитического объекта, в данном случае России и россиян, в мире.

Нами выделена сеть образных репрезентаций России в пространстве философских концепций, начиная с Русского Просвещения: а) образ России как европейской страны, б) образ России как восточноевропейской славянской страны, в) образ России как славянской православной страны, г) образ России как Евразии. Каждый из выявленных образов был сформирован под влиянием доминирующей в определенный момент времени философской традиции: а) Просвещения, б) романтизма, в) христианского провиденциализма философии русской идеи, частично подвергнутого влиянию эволюционизма и европоцентризма, г) культурного релятивизма.

Между этими проекциями не прослеживается иерархическая связь. В то же время налицо направленность ментальной трансформации образа России от интерпретации его в характеристиках, подчеркивающих «универсальность» и «европейские» атрибуты страны, к последующему их ослаблению в связи с нарастанием черт уникальности и самобытности. В этих проекциях этническая мозаич-

ность является своего рода «мерцающей» константой.

В настоящее время наиболее значимой философской репрезентацией является образ России как государства-цивилизации. Данное обстоятельство позволяет увидеть новые перспективы в понимании этнического многообразия как социокультурного феномена, фактора цивилизационного развития и ресурса мобилизации конкретных обществ для преодоления неравенства, обусловленного характером связи с обитаемым пространством.

Литература

1. *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии: антология.* – М.: Новое издательство, 2005. – С. 277–310.
2. *Ерохина Е.А.* Идеи Просвещения и образ России в географии модерна // *Вестник НГУ. Серия: Философия.* – Т 9. – 2011. – № 4. – С. 72–77.
3. *Ерохина Е.А.* Идеи романтизма и образ России как славянской страны // *Вестник НГУ. Серия: Философия.* – Т. 10. – 2012. – № 1. – С. 137–141.
4. *Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. – М.: РОССПЭН, 2004. – 352 с.
5. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
6. *Ремнев А.В.* Внутренняя геополитика азиатской России конца XIX – начала XX в. // *Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего.* – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 184–203.
7. *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 343 с.
8. *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2006. – 640 с.
9. *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней: Обзор литературы: пер. с нем. // *Новое литературное обозрение.* – 2001. – № 6(52). – С. 42–61.
10. *Donskikh Oleg A.* Russia as Eurasia: An attempt at Self-Identification // *Asia Annual*, 2007. – P. 11–25.
11. *Lemberg H.* Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas.* – NF. 33. – 1985. – S. 48–91.
12. *Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. – Stanford, 1994. – 419 p.